

«ЕВАНГЕЛИЕ ХРИСТА» В ПОЭЗИИ В. Т. ШАЛАМОВА: БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Урюпин И. С.

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

А н н о т а ц и я . В статье в культурно-философском и религиозно-онтологическом контексте представлена «христологическая» тема в поэзии В. Т. Шаламова, которая, развиваясь на протяжении всего творческого пути художника, претерпевала своеобразную эволюцию – от атеистически-секуляризованного осмысления Иисуса Назарянина как исторической личности, явившей миру абсолютную ценность нравственно-этического учения Нового Завета, до проникновения в духовно-метафизическую глубину Евангелий, благовествующих о победе жизни над смертью, бытия над небытием, свободы над необходимостью. Целью настоящей работы явилось изучение трансформации евангельских мотивов и образов, составляющих библейский архаический пласт мировой культуры, в лирике В. Т. Шаламова в тесной связи с этико-эстетическими исканиями поэта, оказавшимися созвучными с устремленностью русских мыслителей рубежа XIX–XX веков к нравственному Абсолюту. Поиск аксиологических констант человеческого существования, обогащенный трагическим опытом лагерной Голгофы, вывел В. Т. Шаламова из замкнутого социокультурного пространства советской реальности в духовно безграничный универсум. Аллюзии и реминисценции, восходящие к Священному Писанию, образуют в поэтическом наследии В. Т. Шаламова вполне очевидный библейский метатекст, обладающий мотивно-образной целостностью, внутренней лирической сюжетностью, мифо-суггестивной окрашенностью конкретных биографических фактов и артефактов, конституирующих авторскую картину мира. Шаламовская апофатика богопознания в условиях советской реальности определила способы художественного воплощения образа Сына Человеческого во всей его экзистенциальной сложности и многомерности. Предметом исследования стал мотивно-образный пласт поэзии В. Т. Шаламова, содержащий эксплицитные и имплицитные отсылки к библейскому тексту, переосмысленному автором. Посредством историко-генетического, герменевтического, структурно-семантического и системно-типологического методов изучения литературного произведения была выявлена библейская партитура поэзии В. Т. Шаламова, в которой центральное место занимает образ Иисуса Христа – Сына Человеческого, осмысляемый в контексте внеконфессионального христианства. В статье представлен анализ поэмы «Трактат о вере», в которой воплощен «христостремительный» вектор русской поэзии XX века, получивший художественное развитие в творчестве В. Т. Шаламова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. Т. Шаламов; Евангелие; Иисус Христос; библейский текст в русской литературе; поэтическая картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Урюпин, И. С. «Евангелие Христа» в поэзии В. Т. Шаламова: библейский текст и контекст / И. С. Урюпин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 133–140. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-12.

THE GOSPEL OF JESUS CHRIST IN THE POETRY BY V. T. SHALAMOV: THE BIBLICAL TEXT AND CONTEXT

Igor S. Uryupin

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

A b s t r a c t . The article in the cultural, philosophical and religious-ontological context presents the Christological theme in the poetry of V. T. Shalamov, which, developing throughout the poet's career, underwent a peculiar evolution – from the atheistic-secularized understanding of Jesus Nazarene as a historical person, who revealed to the world the absolute value of the moral and ethical teachings of the New Testament, before penetrating the spiritual and metaphysical depth of the Gospels, evangelizing the victory of life over death, being over nothing-

ness, freedom over necessity. The purpose of this work is to study the transformation of the gospel motifs and images, that make up the biblical realm of the world culture, in the lyrics of Shalamov in close connection with the ethical and aesthetic searches of the poet, which turned out to coincide with the aspiration of the Russian thinkers to the moral Absolute at the turn of the 19th – 20th centuries. The search for axiological constants of human existence, enriched by the tragic experience of the gulag Golgotha, brought Shalamov from the closed sociocultural space of Soviet reality to a spiritually boundless universe. The allusions and reminiscences related to the Holy Scriptures form in Shalamov's poetic heritage quite obvious biblical metatext, which has a motivational-shaped integrity, internal lyrical plot, and mytho-suggestive coloring of specific biographical facts and artifacts that constitute the author's worldview. Shalamov's apophatics of search for God under the conditions of Soviet reality determined the ways of artistic embodiment of the image of the Son of Man in all its existential complexity and multidimensionality. The object of this study covers the motivational layer of Shalamov's poetry, containing explicit and implicit references to the biblical text rethought by the author. The biblical motifs of the poetry by Shalamov are identified through historical-genetic, hermeneutic, structural-semantic and systemic-typological methods of studying a literary text. The image of Jesus Christ, the Son of Man, comprehended in the context of non-denominational Christianity, is central in Shalamov's poetry. The article presents an analysis of the poem "Treatise on Faith" that embodies the Christological vector of Russian poetry of the 20th century, which received creative development in Shalamov's works.

Key words: V. T. Shalamov; Gospel; Jesus Christ; the biblical text in Russian literature; poetic worldview

For citation: Uryupin, I. S. (2022). The Gospel of Jesus Christ in the Poetry by V. T. Shalamov: The Biblical Text and Context. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 133–140. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-12.

В конце 1950-х годов в авторитетных литературно-художественных журналах страны «Знамя» (1957. № 5) и «Москва» (1958. № 3) были опубликованы стихотворения В. Т. Шаламова, проторившие литературный путь для первых сборников поэта «Огниво» (1961) и «Шелест листьев» (1964), вызвавших значительный интерес у читателей и критиков. Мало кто «мог тогда предположить, что в эпоху перестройки писательское амплу Шаламова кардинально изменится» [Пащенко 2017: 51], и поэтическое наследие автора «Колымских рассказов», оказавшихся поистине откровением в литературе о трагических судьбах XX века, надолго останется в тени «лагерной прозы». И даже когда шаламовская поэзия во всей ее полноте и тематическом многообразии вновь была открыта исследователями, она рассматривалась как исключительно «феномен социального характера» [Кириченко 2008: 157], представляющий «„документальную“ картину лагерной жизни» [Кириченко 2008: 158]. А между тем для поэзии В. Т. Шаламова, представляющей собой неповторимое художественное явление, неразрывно связанное с продолжением эстетических традиций Серебряного века, был характерен поиск «моральных ориентиров, стремление ответить на сложнейшие этические вопросы» [Кротова 2016: 57], опираясь на тысячелетний духовный опыт человечества. С. А. Смирнов одним из первых обратил внимание на христи-

анский культурный код поэзии В. Т. Шаламова, в которой отчетливо проступают «Христовы темы и сюжеты» [Смирнов 2008: 201]. Цель настоящей работы – представить системно-целостную картину трансформации евангельских мотивов и образов в лирике В. Т. Шаламова в контексте нравственно-философских исканий поэта, созвучных отечественным мыслителям рубежа XIX–XX веков.

В автобиографическом эссе «Несколько моих жизней» (1964) В. Т. Шаламов, размышляя о своей судьбе и судьбах своего поколения, вступившего в мир в самом начале XX века, в период религиозного Возрождения в России, ознаменовавшегося напряженным поиском «философской истины и интеллигентской правды» (Н. А. Бердяев), презирая отвлеченно-идеалистическую веру «отцов» в «потустороннюю» сферу духа и уповая сугубо на материальную, «посюстороннюю» реальность, вспоминал церковные и антицерковные диспуты революционной эпохи, в которых «сам был участником» [Шаламов 1988: 5]. Но если отец поэта, Т. Н. Шаламов, священник Вологодского кафедрального Софийского собора, в свое время ревностно служивший в Русско-Американской компании миссионером, «ходил сражаться за бога», то его сын, по собственному же признанию, был «лишен религиозного чувства» [Шаламов 1988: 5]. Однако христианская духовно-культурная традиция, под влиянием

которой сформировалось мировосприятие В. Т. Шаламова, даже в период оголтелого богоборчества и возведенного в культ советского безбожия оставалась его жизненным ориентиром, укрепляла нравственно-этические основы его бытия, заложенные в детстве на прочном евангельском фундаменте.

Все это, по верному замечанию В. В. Есипова, пробудило у В. Т. Шаламова, прошедшего «поистине голгофский путь» страданий и жизненных испытаний, «своего рода „воскрешение“ семейных „генов“» [Есипов 2019: 45] – возвращение интереса ко Христу и Его учению как единственному спасительному опыту возрождения / воскресения жизни после лагерной смерти и отчуждения от мира. Интерес «к личности Христа», проявившийся у В. Т. Шаламова в Вологде в пору его увлечения «позитивными» началами жизни, еще более укрепился после чтения христологических трудов Э. Ренана и Д. Штрауса, чрезвычайно популярных у русской революционной интеллигенции. Результатом таких штудий явилось убеждение в «исторической, а не апокрифической» [Есипов 2019: 48] природе евангельских сказаний и самой фигуры Иисуса Назарянина. В письме Б. Л. Пастернаку от 20 декабря 1953 года В. Т. Шаламов признавался, что вся современная человеческая культура «в корнях своих» «имела Евангелие, росла из него, на него опиралась», и «без выяснения своего отношения к Христу» [Шаламов 2005: 36] невозможно осмысленное существование «любого грамотного человека» [Шаламов 2005: 36]. И хотя лагерная жизнь, с ее беспросветностью и тотальным духовным разочарованием в самой идее человечности отучила писателя «поверять происходящее высокими новозаветными заповедями и притчами» [Есипов 2012: 192], мысль о Христе в творческом сознании В. Т. Шаламова стала нравственной константой, определявшей его художественное видение мира.

Поиск духовных смыслов бытия:

«Трактат о вере» В. Т. Шаламова

Впервые евангельская тема в лирике В. Т. Шаламова со всей очевидностью проявилась в поэме «Трактат о вере» (1949–1950), которую, по утверждению В. В. Есипова, можно «считать квинтэссенцией лагерного опыта» [Есипов 2019: 559] автора «Колымских тетра-

дей». Лирический герой поэмы, «незлобивый человек», переживший ужас экзистенциального одиночества и состояние богооставленности, в полной мере познавший боль и страдания, которые посылает Отец Небесный каждому своему сыну – поистине сыну человеческому, оказавшись перед лицом вечности, «в белой ледяной пустыне», своим «последним, может быть, дыханьем» вызывает «пламя из угля» и, находясь «наедине с Огнем», шепчет «слова простые» древней молитвы [Шаламов 2019, II: 292]. «В Священном Писании огонь нередко соединяется с явлениями Божества, как например при Синае» [Библейская 1990: 525], выступая символом возмездия и воздаяния, «ибо Господь, Бог твой, есть огонь поедающий, Бог ревнитель» (Втор. 4: 12).

Автор поэмы уподобляет себя «воину Гедеона», пятого судьи израильского, одержавшего «победу над несметным полчищем мадианитян» [Щедровицкий 2014: 752] горсткой избранников Божиих, которые ни при каких обстоятельствах не падали на колени, даже чтобы напиться из реки. Непокоренный, нравственно несломленный шаламовский герой всецело полагается на волю и милость Творца и «на горе древней Синая» узнает «меру новую», «которой мерит Егова» [Шаламов 2019, II: 293] и которая для каждого, познавшего «Добро и зло, тепло и холод, / Поток огня и косность льда» [Шаламов 2019, II: 293], открывается в момент священного бесстрастия [греч. ἀπάθεια] – «состояния человека, идущего по пути совершенства» [Литвинова 2002: 11]. И в христианстве, и в восточных духовных практиках это состояние признавалось проявлением подлинной мудрости. «Буддийский подвижник, – замечает Л. В. Литвинова, – достигая состояния бесстрастия, становится свободным от всякого мучения и радости, от чувства удовольствия и неудовольствия», «он достигает „истинного действия“, т. е. „истинной“ свободы» [Литвинова 2002: 13]. Именно это открывается лирическому герою «Трактата о вере»:

«И то, что будет ли, не будет

Назавтра солнце – все равно –

Тогда услышать голос Будды

Тебе впервые суждено» [Шаламов 2019, II: 293].

В. В. Есипов полагает, что для В. Т. Шаламова «Будда является своего рода эвфемизмом

образа Христа как высшего нравственного идеала» [Есипов 2019: 485], однако понимание / переживание «другой» веры для поэта было принципиально важно в его нравственно-философских исканиях. Не случайно в финале поэмы герой признается, что для него суровая тайга, оказавшаяся местом духовного пустыничества / подвижничества, дала возможность приобщиться к «законам всех религий», но «одной лишь не раскрыла книги: / Евангелия Христа» [Шаламов 2019, II: 293]. Весь парадокс шаламовского «символа веры», развернутый в его «Трактате» о недоступности в лагерной тьме христианского (евангельского) света, заключается в апофатическом опыте человека, в его попытке «познать Бога не в том, что Он есть, а в том, что не есть и не может быть Им» [Жаравина 2010: 80] (курсив Л. В. Жаравиной. – И. У.).

**«Религиозный изоморфизм»
и «христороимительный» вектор поэзии
В. Т. Шаламова**

«Религиозный изоморфизм» [Стуканов 2011: 193], представляющий собой по сути «феномен негативной религиозности», лежит в основе художественной концепции мира В. Т. Шаламова, которую можно определить не как «христороимительную», а как «христороимительную», ибо не человек устремляется ко Христу в самом акте богоуподобления, а Христос проявляет себя через муки человека в пространстве всей природы.

«Он сам – Христос, он сам – Распятый.

И язвы гнойные цинги –

Как воспаленные стигматы

Прикосновения тайги» [Шаламов 2019, I: 140].

В стихотворении «Перед небом» (1952) лирический герой, «сведя в свой стон мольбы и пени / и жалобный оставив тон», как будто бы бросает вызов Творцу: «пальцем, съеденным морозом», «тычет прямо в небеса» [Шаламов 2019, I: 140]. Но это не проявление богоборчества, а пламенная вера в божественное предопределение, выходящая за грань земного естества («боль осталась, как фантом», как «химера»): «Здесь человек в привычной позе / Зовет на помощь чудеса» [Шаламов 2019, I: 140].

Упование на чудо для В. Т. Шаламова было одновременно и оправданием своей челове-

ческой слабости, и ее преодолением, дерзанием и дерзновением, объединяющим в себе требование истины и смирение перед ней. В стихотворении «Поэты придут, но придут не оттуда...» (1956) автор передает извечную тоску по Абсолюту: люди «всю жизнь дожидаются чуда, / И чудо на блюде несут» [Шаламов 2019, I: 343]. Таким чудом выступает «голова Иоанна Предтечи, / Безмолвная голова», которая для дочери Иродианы Саломеи и для всех людей, «для этих детей, для толпы незнакомой», становится «последним упреком» [Шаламов 2019, I: 343] в их неразумной, бездумной жизни, но еще не окончательно потерянной для духовного обновления и преображения. Искривленные «смертной истомой» губы «мертвого пророка» символизируют «немоту человеческой речи», «залитые кровью слова» [Шаламов 2019, I: 343] остаются не воспринятыми и не услышанными теми, к кому они обращены. Отсюда в шаламовской лирике особое значение приобретает императив-лейтмотив – «всякий, имеющий уши, / Да слышит отчаянья крик» («Концерт», 1956) [Шаламов 2019, I: 185], – восходящий к Евангелию: «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Лк. 8: 8).

Крик отчаяния, вырывающийся из истерзанной груди поэта, – не только проявление нестерпимой муки, но и попытка достучаться до сердца и разума собеседника, чтобы раскрыть ему ту страшную правду, которую не хочется знать. В лагере к В. Т. Шаламову пришло понимание подлинного смысла искусства, способного преобразить микро- и макрокосм, наполнить внешнее и внутреннее пространство сокровенного бытия человека светом любви и веры. Обращаясь в лирической декларации «Стихи – это стигматы...» (1959) к поэту, единственному посреднику между Богом и миром, В. Т. Шаламов так формулирует свой художнический Завет: «Ты должен вечно видеть / Чужих страданий свет, / Любить и ненавидеть / За всех людей, поэт» [Шаламов 2019, II: 94]. Взяв на себя бремя «чужих страданий», поэт, по замечанию Е. М. Болдыревой, Е. В. Асафьевой, уподобляется «Христу, мученику, приносящему в жертву собственную жизнь» [Болдырева, Асафьева 2019: 24].

Однако духовно-душевная глухота окружающих людей вызывала у В. Т. Шаламова чувство растерянности и недоумения. В сти-

хотворении «Обнимай, обнимай злодея...» (1950) лирический герой, которого обстоятельства вынуждают «с убийцами в лад» хохотать и ежечасно демонстрировать «мастерство лицедея», восстает против искушений сатаны и «при мерцанье грошовой свечи» «наощупь» ищет свой путь к Богу, не обращая внимания на насмешки и богохульство черни: «Пусть соседи хрипят и лопочут / Про родных Иисуса Христа» [Шаламов 2019, II: 357]. Поэт остается верен своему высокому призванию. В этом, по мнению С. А. Павловой, заключалось «поэтическое кредо Варлама Шаламова», для которого литература была «защитой от боли» [Павлова 2010: 221], а само творчество наполняло энергией жизни, давало силы претерпевать страдания и даже идти на верную смерть, не вызывавшую, впрочем, чувства ужаса, но воспринимавшуюся как неизбежный венец бытия. Такое понимание мира, созвучное евангельской премудрости, воспринятой отечественной национальной культурой еще со времен Древней Руси, нашло отражение в поэме «Аввакум в Пустозерске» (1955), в которой лирический герой, человек XX века, переживает тот же опыт духовного стояния в Истине, что и великий подвижник старообрядчества. Для него «нет участи слаще, / Желанней конца, / Чем пепел, стучащий / В людские сердца» [Шаламов 2019, I: 256].

В шаламовской интерпретации аввакумовского подвига на первое место выходит не церковная сторона спора о вере, а философско-онтологическое понимание смысла человеческого существования: все думы опального / оппозиционного протопопа – «о свободе, / О праве дышать, / О воле Господней / Вязать и решать» [Шаламов 2019, I: 253]. «Слова протопопа Аввакума „о праве дышать“» [8, с. 33] оказались манифестацией нравственного протеста узников всех эпох исторического бытия России, как писал в письме В. Т. Шаламову А. С. Яроцкий, автор книги «Золотая Колыма», представляющей, по замечанию Н. М. Малыгиной, повествование «о пути человека, насильственно исключенного из мира свободных людей» [Малыгина 2021: 69]. Бывший главный бухгалтер больницы для заключенных в поселке Левый берег, где В. Т. Шаламов работал фельдшером с декабря 1946 года, утверждал, что сама поэма об Аввакуме была «самым главным» [Малыгина

2021: 33] свидетельством духовного бытия «самостоятельного», «самодетельного» человека в условиях тотальной несвободы.

Однако экзистенциальная проблематика поэмы, являющейся в значительной степени апологией секуляризации, не лишена религиозного начала: напротив, весь сюжет произведения представляет собой реализацию архетипа пути в его христианском воплощении: «к Богу дорогу» [Шаламов 2019, I: 255] ищет и находит не только протопоп Аввакум, но и сам автор, пытающийся «вытерпеть Бога / Пронзительный взор» [Шаламов 2019, I: 255], устремленный в душу, в сокровенную глубину человеческой личности. Явленный миру еще «с Иисусовых пор» [Шаламов 2019, I: 255] нравственно-этический Завет Христа, убеждавшего учеников – «иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11: 30), для лирического героя поэмы становится источником жизненной силы, «душевной крепости и воли»: «Закованным шагом / Ведут далеко, / Но иго мне – благо / И бремя легко» [Шаламов 2019, I: 256].

Осознание своего высокого предназначения, верности гуманистическим идеалам, нисколько не девальвированным и не дискредитированным в лагере, несмотря на полное попрание человеческого достоинства, вызывало у В. Т. Шаламова уверенность в божественной предопределенности его «дорог и путей», с которых он ни за что не сойдет, уподобляясь самому Христу, принявшему неотвратимость гефсиманской чаши страданий. В стихотворении «Ты сердись, как ветер, как метель...» (1949–1950) поэт провозглашает: «Эту чашу – вовсе неспроста / Пью во имя Господа Христа» [Шаламов 2019, II: 256]. Вообще в лирике ГУЛАГа «мотивный комплекс моления о чаше», по наблюдению М. О. Граматчиковой и Т. А. Снигиревой, встречается весьма часто, поскольку передает поразительно «острое чувство близости Христа» [Грамматчикова, Снигирева 2021: 124], возникающее у человека в момент наивысшего духовного напряжения, связанного с несением креста, предзнаменующего смерть, и последующее за ней воскресение / воскрешение.

«Завуалированная тема „судьбы – креста“» [Макевнина 2017: 113] является центральной в поэзии В. Т. Шаламова, в которой страдания невинно осужденных на муки неизменно ассоциируются с крестным путем Спасителя, вдох-

новляющего на подвиг и дающего нравственные силы. «Встреча с Христом для человеческого „Я“, – замечает М. В. Яковлев, – возможна лишь тогда, когда ты сам на Кресте» [Яковлев 2021: 97], к такому пониманию сущности исторической сотериологии пришел А. А. Блок в своей революционно-апокалиптической лирике. В. Т. Шаламов, проникая в мистериальный замысел автора поэмы «Двенадцать», в стихотворении «Своими, своими руками...» (1974) предположил, что «Он сам – тот Христос с красным флагом» [Шаламов 2019, II: 253], который ведет за собой всех страждущих, «униженных и оскорбленных», несет «это красное знамя» [Шаламов 2019, II: 253] как крест.

Образ Христа-путеводителя, сопровождающего человека в его жизненном странствии и спасающего от бед и напастей, возникал в художественном сознании В. Т. Шаламова неоднократно. В стихотворении «Над трупцами Витима...» (1953–1954) лирический герой, пребывающий «во чреве самолета, как Иона у кита», мысленно обращается к шеф-пилоту со словами, лишь на первый взгляд, кажущимися религиозным штампом, но на самом деле выражающими искреннюю надежду на Божию помощь: «Ради Господа Христа, // Донеси меня до юга, / Невредимым донеси» [Шаламов 2019, I: 183]. Вообще, как утверждал В. Т. Шаламов в стихотворении «Если „видевшие свет вечерний“...» (1950), «я все старше, все суеверней, / Все церковнее становлюсь» [Шаламов 2019, II: 370]. «Погибающая душа» [Шаламов 2019, II: 371] поэта жаждала подлинной веры, способной разрешить все философские проблемы, развеять все сомнения, наполнить жизнь духовным смыслом.

В христианстве как мировоззренческой системе В. Т. Шаламов усматривал немало противоречий, но в самой противоречивости и даже некоторой абсурдности христианская вера была насущно необходима человеку. Знаменитая апологетическая антиномия Тертуллиана («Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [Тертуллиан 1994: 166]) в поэзии В. Т. Шаламова оказалась не просто актуализирована, но парадоксально заострена. В свете такой парадоксальности открывается глубокий

смысл в двустии поэта, кажущемся выражением безверия и отчаяния:

«И жизнь во имя меньших братьев
Христом прожитая нестати» (1953)

[Шаламов 2019, II: 385].

Подвиг Спасителя «во имя меньших братьев», о которых апостол Матфей говорит в Евангелии о грядущем суде Сына Человеческого (если «вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне», Мф. 25: 40), отнюдь не отвергается В. Т. Шаламовым, но, по убеждению поэта, еще до конца не понят и не принят человечеством, не достигшем состояния духовной зрелости. Отсюда наполненная сожалением и грустью констатация сомнений, одолеваящих лирического героя, в стихотворении «Христос не вносит примиренья...» (1954). Однако учение Христа – само по себе не «рецепт» счастья и не «руководство» к действию по достижению земных благ («нам не это вовсе надо» [Шаламов 2019, I: 391]), а пример бескорыстного служения ближнему. В стихотворении «Моя мать была дикарка...» (1970) поэт представил пример такого служения, исполненного духом евангельской любви: «Как Христос, я вымыл ноги / Маме – пыльные, с дороги» [Шаламов 2019, II: 197]. Конкретно-биографическая основа произведения, в котором нашел отражение реальный случай 1931 года, когда В. Т. Шаламов после первого вишерского срока приезжал домой к больной матери, получила художественное обобщение вневременного характера. Сквозь библейскую призму осмысливается поэтом судьба матери, ее путь в вечность: «И в наряде похоронном / Мама в гроб легла Самсоном» [Шаламов 2019, II: 198].

Вообще в конце 1970-х годов В. Т. Шаламов все чаще задумывался о вере, вспоминал свое «церковное» прошлое. В стихотворении «Наверх выносят плащаницу...» (1980) в сознании лирического героя, устремившегося в бездонное небо, по которому «гусей осенних вереница / Плывет над тем Христовым телом» [Шаламов 2019, II: 285], возникают картины далекого детства: «Я занят службою пасхальной, / Стихи читаю в стихаре» [Шаламов 2019, II: 285]. И это тот «порядок мира идеальный» [Шаламов 2019, II: 285], который не способен изменить никакие, даже самые тяжелые и ка-

жущиеся беспросветными жизненные обстоятельства.

Свет Евангелия озарял душу В. Т. Шаламова на протяжении всего его земного пути, на котором было немало и духовных взлетов, и падений, догматической убежденности в непогрешимости коммунистической морали, кристаллизовавшейся из учения первых христиан, и едких сомнений в самой возможности осу-

ществления социалистического идеала в мире, забывшем Бога. Нравственным ориентиром для поэта, познавшего цену людских страданий, погрузившегося при жизни в пучину ада и преодолевшего его смертное жало, стал образ Иисуса Христа, пусть и не всегда в божественном ореоле, но с исключительной человеческой теплотой и сердечностью воплощенный в его творчестве.

Литература

- Библейская энциклопедия / сост. архим. Никифор. – Репринтное изд. – М.: ТЕРРА, 1990. – 902 с.
- Болдырева, Е. М. «Я верю давно в страшную силу искусства»: концепция поэзии в «Колымских тетрадах» В. Шаламова / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2019. – С. 21–27.
- Грамматчикова, М. О. Мотив моления о чаше в поэзии узников ГУЛАГа / М. О. Грамматчикова, Т. А. Снегирева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 116–125.
- Есипов, В. В. Стихи после Колымы (Поэтический дневник Варлама Шаламова); примечания / В. В. Есипов // Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2019. – С. 5–70; с. 449–587.
- Есипов, В. В. Шаламов / В. В. Есипов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 346 с.
- Жаравина, Л. В. Художественные формы выражения религиозной догматики в русском искусстве / Л. В. Жаравина // Горизонты цивилизации. – 2010. – № 1. – С. 74–85.
- Кириченко, Л. Н. «Колымские тетради» Варлама Шаламова в контексте «лагерной поэзии» / Л. Н. Кириченко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14, № 3. – С. 157–160.
- Кротова, Д. В. Назначение искусства: концепция В. Т. Шаламова / Д. В. Кротова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 55–62.
- Литвинова, Л. В. Бесстрашие / Л. В. Литвинова // Православная энциклопедия. Т. V. Бессонов – Бонвеч. – М., 2002. – С. 11–13.
- Макевнина, И. А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: монография / И. А. Макевнина. – Волгоград, 2017. – 160 с.
- Малыгина, Н. М. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте / Н. М. Малыгина // Яроцкий А. С. Золотая Колыма. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте. – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 7–94.
- Павлова, С. А. «Стихи – это боль и защита от боли»: поэтическое кредо Варлама Шаламова / С. А. Павлова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков: сборник научных трудов. Вып. II. – Саратов: Наука, 2010. – С. 218–223.
- Пашенко, Д. О. Критическая рецепция поэзии В. Т. Шаламова в советской прессе конца 1950-х – начала 1960-х гг. / Д. О. Пашенко // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 7 (28). – С. 51–55.
- Смирнов, С. А. Автопоэзис человека: Варлам Шаламов / С. А. Смирнов // Человек.ru. – 2008. – № 4. – С. 200–244.
- Стуканов, Т. Н. Феномен негативной религиозности (на материале творчества Варлама Шаламова) / Т. Н. Стуканов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5–1 (11). – С. 189–193.
- Тертуллиан. Избранные сочинения. – М.: Изд. группа «Прогресс»; Культура, 1994. – 448 с.
- Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Переписка / В. Т. Шаламов. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. – 608 с.
- Шаламов, В. Т. Стихотворения / В. Т. Шаламов. – М.: Советский писатель, 1988. – 256 с.
- Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / В. Т. Шаламов; вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2019. – Т. 1. – 591 с.; Т. 2. – 640 с.
- Щедровицкий, Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево: Книга Бытия: начало всемирной истории; Книга Исход: от угнетения к свободе; Книги Левит, Чисел и Второзакония: библейское законодательство / Д. В. Щедровицкий. – М.: Теревинф, 2014. – 1088 с.
- Яковлев, М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века: монография / М. В. Яковлев. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2021. – 300 с.

References

arkhim. Nikifor (Ed.). (1990). *Bibleiskaya entsiklopediya* [Bible Encyclopedia]. Moscow, TERRA. 902 p.

Boldyreva, E. M., Asafyeva, E. V. (2019). «Ya veryu davno v strashnuyu silu iskusstva»: kontseptsiya poezii v «Kolymских tetradyakh» V. Shalamova [“I Have Long Believed in the Terrible Power of Art”: The Concept of Poetry in V. Shalamov’s Kolym Notebooks]. In *Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei XVI Vserossiiskoi s mezhduнародnym uchastiem mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yaroslavl, pp. 21–27.

Esipov, V. V. (2012). *Shalamov* [Shalamov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 346 p.

Esipov, V. V. (2012). *Shalamov*. Moscow, Molodaya gvardiya, 346 p.

Esipov, V. V. (2019). Stikhi posle Kolymy (Poeticheskii dnevnik Varlama Shalamova); primechaniya [Poems after Kolyma (Poetic Diary of Varlam Shalamov); Notes]. In Shalamov, V. T. *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t. Vol. 1*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, pp. 5–70; pp. 449–587.

Gramatchikova, M. O., Snigireva, T. A. (2021). Motiv moleniya o chashe v poezii uznikov GULAGA [The Motive of Praying for a Bowl in the Poetry of Gulag Prisoners]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 27. No. 1. pp. 116–125.

Kirichenko, L. N. (2008). «Kolymskie tetrady» Varlama Shalamova v kontekste «lagernoi poezii» [“Kolyma Notebooks” by Varlam Shalamov in the Context of “Camp Poetry”]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Vol. 14. No. 3, pp. 157–160.

Krotova, D. V. (2016). Naznachenie iskusstva: kontseptsiya V. T. Shalamova [Purpose of Art: Concept of V. T. Shalamov]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. No. 1, pp. 55–62.

Litvinova, L. V. (2002). Besstrastie [Impassivity]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. T. V. Bessonov – Bonvech. Moscow, pp. 11–13.

Makevnina, I. A. (2017). *Poeziya Varlama Shalamova: estetika i poetika* [Poetry by Varlam Shalamov: Aesthetics and Poetics]. Volgograd, 160 p.

Malygina, N. M. (2021). Vospominaniya A. S. Yarotskogo o Kolyme v literaturnom kontekste [Memoirs of A. S. Yarotsky about Kolyma in a Literary Context]. In Yarotsky, A. S. *Zolotaya Kolyma. Vospominaniya A. S. Yarotskogo o Kolyme v literaturnom kontekste*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 7–94.

Pashchenko, D. O. (2017). Kriticheskaya retseptsiya poezii V. T. Shalamova v sovetskoj presse kontsa 1950-kh – nachala 1960-kh gg. [Critical Reception of Poetry by V.T. Shalamov in the Soviet Press of the Late 1950s – Early 1960s]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 7 (28), pp. 51–55.

Pavlova, S. A. (2010). «Stikhi – eto bol' i zashchita ot boli»: poeticheskoe kredo Varlama Shalamova [“Poems Are Pain and Protection from Pain”: The Poetic Credo of Varlam Shalamov]. In *Izmenyayushchayasya Rossiya – izmenyayushchayasya literatura: khudozhestvennyi opyt XX – nachala XXI vekov: sbornik nauchnykh trudov*. Issue II. Saratov, Nauka, pp. 218–223.

Shalamov, V. T. (2005). *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works, in 6 vols.]. Vol. 6: Perepiska. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub, 608 p.

Shalamov, V. T. (2019). *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t.* [Poems and Poems, in 2 vols.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova. Vol. 1. 591 p.; Vol. 2. 640 p.

Shalamov, V. T. (1988). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 256 p.

Shchedrovitsky, D. V. (2014). *Vvedenie v Vetkhii Zavet. Pyatiknizhie Moiseevo: Kniga Bytiya: nachalo vsemirnoi istorii; Kniga Iskhod: ot ugneteniya k svobode; Knigi Levit, Chisel i Vtorozakonniya: bibleiskoe zakonodatel'stvo* [Introduction to the Old Testament. The Pentateuch of Moses: The Book of Genesis: The Beginning of World History; Book of Exodus: From Oppression to Freedom; Books of Leviticus, Numbers, and Deuteronomy: Bible Law]. Moscow, Terevinf. 1088 p.

Smirnov, S. A. (2008). Avtopoezis cheloveka: Varlam Shalamov [Autoeosis of Man: Varlam Shalamov]. In *Chelovek.ru*. No. 4, pp. 200–244.

Stukanov, T. N. (2011). Fenomen negativnoi religioznosti (na materiale tvorchestva Varlama Shalamova) [The Phenomenon of Negative Religiosity (Based on the Material of the Work of Varlam Shalamov)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya, iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 5–1 (11), pp. 189–193.

Tertullian. (1994). *Izbrannye sochineniya* [Selected Writings]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», Kul'tura. 448 p.

Yakovlev, M. V. (2021). *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoj poezii pervoi poloviny XX veka* [Apocalyptic Direction in Russian Poetry of the First Half of the 20th Century]. Orehovo-Zuevo, GGTU. 300 p.

Zharavina, L. V. (2010). Khudozhestvennye formy vyrazheniya religioznoi dogmatiki v russkom iskusstve [Artistic Forms of Expression of Religious Dogma in Russian Art]. In *Horizonty tsivilizatsii*. No. 1, pp. 74–85.

Данные об авторе

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

Адрес: 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1.

E-mail: isuryupin78@mail.ru.

Author's information

Uryupin Igor Sergeevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Literature of the 20th–21st Centuries Department, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).